

Сара Млиновски

Что
на свете
всех
милее?

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.111-34-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
М72

This edition published by arrangement with
Laura Dail Literary Agency, Inc. and Synopsis
Literary Agency

Оформление *Евгения Антофия*
Иллюстрация на обложке *Нестеровой Анастасии*
Перевод с английского *Тихоновой Анны*

М72 Кто на свете всех милее? / Млиновски С. – Москва:
Издательство АСТ, 2016. – 176 с.

ISBN 978-5-17-094581-8

А вы знаете, что будете делать, если попадёте в сказку?

Не правда ли, обидно – в школе учат всему, кроме этого. И я тоже жила обычной жизнью, ходила в школу, переехала с родителями в другой город... а потом нас с братом заглотило зеркало в подвале.

А дальше лес, и странная старушка в чёрном плаще с корзинкой идёт к маленькому домику, чтобы продать живущей в нём девочке вкусное красное яблоко... Ничего не напоминает? Не переживайте, я тоже не сразу поняла! А когда поняла, было уже поздно. Мы спасли Белоснежку.

Мы спасли Белоснежку, и значит, теперь её не положат в хрустальный гроб, и принц не придёт, и конец у сказки будет... совсем другой.

Похоже, придётся нам исправлять то, что мы натворили...

УДК 821.111-34-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-094581-8

© Sarah Mlynowski, 2012.
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

Это не шутка

Было время, когда я жила обычной жизнью.

А потом нас заглопило зеркало в подвале.

Думаете, шучу? Считаете, что я всё это выдумываю?

Так ведь?

Вы скажете: «Хм, Эбби, зеркалам не свойственно пожирать людей. Они просто висят себе на стене и отражают все, что видят».

Но вы ошибаетесь. Очень сильно ошибаетесь!

Всё, что я вам расскажу, — правда и ничего, кроме правды. Я ничегошеньки не выдумываю. И я не лгунья и не сумасшедшая, которая только думает, что говорит правду, хотя на самом деле это не так. Вообще-то я очень логичная. И справедливая. Это необходимо, раз уж я решила

стать судьёй, когда вырасту. То есть сначала я стану юристом, а уж потом судьёй, потому что для этого надо выучиться на юриста. Таковы правила.

Так что да, я — чрезвычайно разумная, практичная и совсем *не* сумасшедшая десятилетняя девочка, чья жизнь начала кипеть событиями после того, как пришлось переехать вместе с родителями в Смитвилль.

Всё ещё не верите? Поверите, когда я выложу все факты. Поверите, когда узнаете всю историю целиком.

Пожалуй, я начну с самого начала.

Первая глава

Начало

Прозвенел звонок на перемену, и ребята из моего пятого класса решили поиграть в салочки. «Эники, беники ели вареники» — и вышло так, что я вожу. Я, новенькая. Чудно!

На самом деле нет.

Я закрыла глаза на десять (ладно, на пять) секунд, чтобы дать одноклассникам фору, и побежала искать. Я сразу же заметила Пенни: она очень высокая. Точнее, выше меня. Хотя, конечно, много кто выше меня. На Пенни ярко-оранжевая толстовка, её сложно не заметить. Я пока что не выучила имена всех своих одноклассников, но имя Пенни запомнить просто: она всегда убирает волосы в конский хвост, и я думаю про себя: «Пенни — пони, Пенни — пони, Пенни — пони».

Я бросилась к ней и осалила, дотронувшись до локтя.

— Ты водишь, Пенни-пони! То есть Пенни.

— М-м, нет. Я заледенела, — ответила Пенни, как-то странно на меня взглянув.

О чём это она? Не так уж сегодня холодно. И её толстовка вроде бы довольно тёплая.

— Что? — переспросила я.

— Ты меня осалила, и я заледенела, — наморщила лоб Пенни.

— Не-е-ет, — протянула я. — Я водила, осалила тебя, поэтому теперь водишь ты. И ты должна осалить кого-нибудь другого, чтобы заставить его водить. В этом же суть салочек: осаленный водит.

— Водящий должен осалить *всех*, — ответила Пенни. Она говорила так, словно знала об этой игре больше меня, и у меня заплыла щека. Что она себе воображает! — А тот, кого осалят, застывает как ледышка. Тот, кого осалят последним, — водит в новой игре. Это ледяные салочки. Понятно?

Водит тот, кого осалили ПОСЛЕДНИМ?.. Но ведь если тебя осалили последним, значит, ты — лучший игрок. А если ты — лучший игрок, то должен исполнить танец победителя, пока остальные кидают в тебя конфетти. Ты не должен водить, потому что это вовсе и не награда.

У меня упало сердце. Если я буду водить, пока не осалю всех своих одноклассников до последнего, эта игра будет длиться вечность.

Вот что: я пытаюсь начать всё сначала и привыкнуть к новой школе. Но разве это возможно, когда всё здесь делается абсолютно неправильно?

Позвольте ознакомить вас с материалами дела.

1. Все жители Смитвилля называют колу, пепси и фанту газировкой. Разве это не дико? Куда лучше сказать «шипучка». Пш-ш, пш-ш-ш, пш-ш-ш! Кола шипит на языке, а не газирруется.

2. Никто из местных не знает, как делать сэндвичи с бананом и арахисовым маслом. Надо нарезать банан кружочками и выложить их на хлеб, смазанный арахисовым маслом. Желательно аккуратными и ровными рядами. Но ребята из моей новой школы разминают банан, смешивают с ложкой арахисового масла и вываливают эту безобразную мешанину на хлеб. Зачем, ну зачем они так делают?

3. А теперь они ещё и хотят играть в «Давайте-будем-стоять-как-ледяные-скульптуры-пока-Эбби-бегает-туда-сюда» вместо салочек.

Дамы и господа присяжные!

Я не хочу называть шипучку газировкой.

Не хочу есть отвратительное бананово-арахисовое месиво.

Не хочу водить.

— Я более чем уверена, что мой способ игры — правильный, — сказала я сдавленно. Я права. Я.

— Нет, — заявила Пенни. — Я застываю. А ты лучше давай води, а то будет ещё сложнее.

Слёзы начали жечь мне глаза. Я не хотела, чтобы становилось ещё сложнее. Я хотела, чтобы всё было как раньше. Как надо!

— Нет, спасибо, — осторожно произнесла я, стараясь не выдать своих слёз, хотя могло прозвучать слегка плаксиво. Или нервно. Или, может быть, капризно.

— Ты не будешь играть? — спросила Пенни, удивлённо подняв брови. — Только потому, что не смогла настоять на своём?

— Нет! Просто я... устала. — Это даже не ложь. Я и правда устала. Устала от того, что здесь всё по-другому. Почему нельзя вернуть всё как было?

Я подошла к миссис Голдмен, учительнице, которая приглядывала за нами, пока мы играли, и спросила у неё, можно ли мне пойти в библиотеку.

— Ты хотела сказать медиазал, милая? — спросила она.

Я сжалась ещё сильнее. Они даже библиотеку библиотекой не называют?

Но стоило переступить порог «медиазала», как у меня отлегло от сердца и я глубоко вдохнула. Ахх.

Может, в Смитвилле комнату, заполненную книгами, и называют медиазалом, но пахнет она точно так же, как библиотека в моей старой, нормальной школе. Застоявшимся воздухом. Пылью. Бумагой.

В библиотеке — то есть, простите, медиазале — на полках стояли знакомые мне книги. Я их читала раньше. И часто, очень часто перечитывала.

Я расслабилась. Знаете почему? Не важно, сколько раз перечитываешь книгу — она не изменится.

Любовь к книгам у меня от бабушки. Она постоянно читала мне вслух. Она — профессор литературы в университете Чикаго, в нормальном месте, где мы жили раньше.

От мыслей о моём прежнем доме защемило в груди. Мои далёкие друзья. Ба-

бушка. *Правильный* сэндвич с бананом и арахисовым маслом.

Отбросив грустные мысли, я пробежалась пальцами по книжным корешкам. И остановилась, положив руку на сборник под названием «Сказки». Там хорошее хорошо, плохое плохо, всё логично, и пятиклассницы не должны водить вечность.

Я вздохнула с облегчением. Прекрасно!

Вторая глава

Неприятное пробуждение

Сегодня мне снятся мои старые друзья. Мы играем в салочки, в нормальные салочки. И тут кто-то зовёт меня:

— Эбби! Эбби! Эбби!

Я приоткрыла один глаз и увидела Джону, моего семилетнего братика, так что я натянула одеяло на голову. Конечно, я его люблю, но я — растущий организм. Мне нужен сон.

Джона забрался под одеяло, прижался к моему уху губами и продолжил бубнить:

— Эбби, Эбби, Эбби, Эбби, Эбби, ЭББИ!

Я простонала.

— Джона! Я сплю!

— Проснись, проснись, проснись!

Ему обязательно повторять всё по десять раз? Есть чёткая грань между настойчивостью и надоедливостью.

— Ложись спать, — приказала я. Да, мне говорили, что я люблю покомандо-

вать, но послушайте, сейчас же глубокая ночь. К тому же как старшая сестра я просто обязана вразумлять его. Так что я всего лишь выполняю свой сестринский долг.

И ещё я должна следить за тем, чтобы он ел овощи.

Как-то раз во время обеда я поймала его на том, что он прятал брокколи в носок. Я наябедничала, а потом почувствовала себя виноватой и поделилась с ним шоколадным печеньем.

— Но зеркало шипит! — сказал Джона.

Я сощурилась. Что? Я даже не понимаю, что он хочет сказать.

— Джона, зеркала не шипят. Они вообще звуков не издают. Если только ты их не разобьёшь.

Минуточку. Я рывком поднялась с подушки.

— Ты разбил зеркало? Это к беде!

— Да нет. — Джона как-то странно скривил губы, как он иногда это делает. — Ну, может быть.

— Джона! Какое? — Я свесила ноги с кровати. Хоть бы это не оказалось моё розовое ручное зеркальце. То самое, с которым я как-то застала брата, когда он рассматривал в нём свои пальцы на ногах.

— Большое, то, что внизу.

— Серьёзно? Страшное зеркало из подвала? — Я поняла, что сорвалась на крик, и постаралась говорить тише, чтобы не разбудить родителей. — Что ты делал в подвале поздно ночью?

В этом зеркале есть нечто странное. Кажется, что оно следит за мной, куда бы я ни пошла. Как глаза на картине «Мона Лиза». Но это, конечно, бессмыслица. Зеркала не могут ни за кем следить. Они же не живые.

— Я его исследовал, — пожал плечами Джона.

Я взглянула на будильник.

— Сейчас одиннадцать пятьдесят две! — Я ощутила тяжесть на запястье и поняла, что забыла снять часы перед сном. Я включила подсветку на циферблате. Часы показывали то же самое время — одиннадцать пятьдесят две.

Джона снова пожал плечами.

Он всегда всё исследует. Даже странно, что мы родственники. Ведь мы такие разные. Я люблю читать — он любит приключения. Мне нравится валяться с книжкой в постели, ему — карабкаться по скалам. Нет, правда. Мама водит его на уроки по скалолазанию каждое воскресенье.

Я терпеливо вздохнула.

— Цвет был зелёный? — спросила я брата. Дело в том, что, когда Джоне было три года, папа подарил ему часы, которые меняли цвет. Они были красными ночью и зеленели в семь утра. Джоне полагается лежать в кровати, пока часы не станут зелёными. Но у него туго с соблюдением правил. Или с цветами.

— Я умею определять время, — обиделся Джона.

— Тогда зачем ты меня разбудил?

— Цвет был фиолетовым. Я хотел, чтобы ты тоже посмотрела. — Он поманил меня рукой. — Пошли-пошли!

Что? Фиолетовый?

Я вздохнула. Что за дела! Встала с кровати, влезла в полосатые тапочки и пошла за братом.

— погоди! — крикнула я, заметив его босые ноги, и подтолкнула Джону к двери его комнаты — она рядом с моей. — Ты должен обуться, мистер. Я не хочу, чтобы ты порезал ногу о стекло.

— Но там нет стекла.

Он разбил зеркало, а стекла нет? Я указала ему на шкаф.

— Обуйся! — Я обязана защищать своего брата целиком. Даже его вонючие ноги.

В комнате Джоны было светло из-за светящихся в темноте звёзд, приклеенных

к потолку, и *красных* часов. Не фиолетовых. Красных. Джона взял свои кроссовки с нижней полки шкафа и обулся.

— Теперь довольна? Ну пошли, пошли!

— Тише! — скомандовала я. Дверь в комнату родителей закрыта, но она не так далеко от нас. Мама точно не обрадуется, если мы её разбудим. (Однажды она рассердилась на моё замечание о том, что она приехала забрать меня из школы на шесть минут и сорок пять секунд позже назначенного времени. Я не хотела её обидеть! Но у моих часов такой классный таймер, и для чего же ещё его использовать, если не для того, чтобы сообщать, на сколько она опоздала?)

Мы спустились вниз по ступенькам. Они скрипели. Очень громко. Наконец я протянула руку к двери подвала.

И застыла. Так, как будто меня — ну да, осалили. По правде говоря, я не самая храбрая девочка на свете. А сейчас поздно. И мы идём в подвал.

Мне больше нравится читать о приключениях, а не участвовать в них.

— Что не так? — спросил Джона, проскользя между мной и стеной. — Ну же, ну же, ну же!

Я глубоко вдохнула, включила в подвале свет и закрыла за собой дверь.